

Литература Пскова XIII—XIV вв.

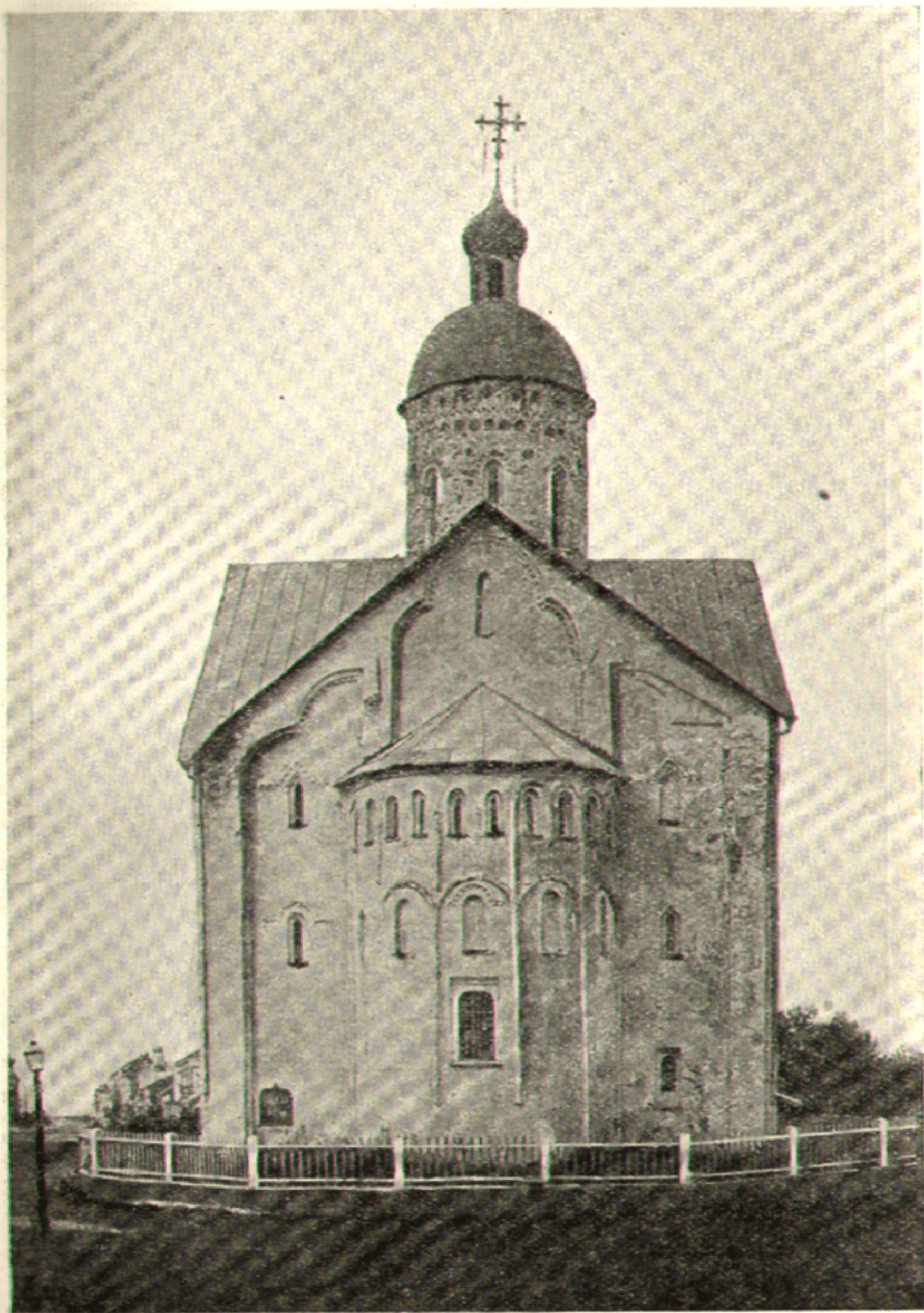
Введение

Псковская область, передовой русский пост на западе, представляла длинную и узкую полосу земли, западная и южная границы которой были открыты для нападения соседей — прибалтийских племен (эстов, ливов, латышей, куронов и семигалов), литовцев, позже ливонских и тевтонских рыцарей. Стремясь упрочить свое влияние в Прибалтике, псковичи, как и новгородцы, издавна покоряли местные племена, собирали с них дань, но не укреплялись достаточно в завоеванных областях.

До середины XIV в. Псков (др.-русс. Пльсковъ, Плесковъ) представлял «пригород» Новгорода, административно от него зависевший. Из Новгорода Псков получал посадников, имел общую с ним церковную власть в лице новгородского архиепископа, который посылал в Псков своего наместника; отправлял своих представителей на новгородское вече; вместе с Новгородом воевал с соседями. Но постоянные недоразумения между Псковом и Новгородом, переходившие временами в вооруженные столкновения, и отказ от совместных военных действий заставили Новгород в 1348 г., когда он нуждался в помощи Пскова для войны с шведским королем Магнусом, признать свой пригород «младшим братом» и дать ему независимость во всех внутренних делах, сохранив за собой лишь управление псковской церковью.

Густо заселенная Псковская земля была обстроена многочисленными городами и селами, укреплениями, защищавшими население во время частых набегов западных соседей. Основным занятием населения в городах была торговля, в селам — земледелие, которое не только обеспечивало хлебом всю область, но позволяло даже продавать его в соседние княжества и отправлять за границу наравне с другими продуктами сельского хозяйства (лен, пенька, солод, хмель). Обилие своего хлеба делало Псков значительно более независимым, чем Новгород, от «низовских» княжеств, но зато постоянная опасность нападений с запада и с юга рано объединила интересы Пскова и Владимиро-Суздальского княжества.

Общественный строй в Пскове был тот же, что и в Новгороде. Псков имел свое влиятельное и зажиточное боярство, земельные владения которого, однако, не достигали тех обширных размеров, которые характерны были для новгородской боярской верхушки. Торговые слои

12. Церковь Спаса на Ильине в Новгороде, 1374 г.

13. Волоотово. Деталь композиции Рождества Христова,
1363 г. Фреска.

14. Вологово. Голова евангелиста Иоанна (1363 г.) Фреска.

15. Вологово. Голова ангела, 1363 г. Фреска.

посада, сосредоточенные в торговом конце Пскова, рано втянулись в торговые сношения с Востоком и Западом. Бременские, затем рижские и ревальские купцы раньше завязали сношения с Псковом, чем с Новгородом, и в Завеличье (заречная часть Пскова за рекой Великой) был особый немецкий двор, где сосредоточивалась вся иноземная торговля. Псковский посадник до середины XIV в. зависел от Новгорода, а князьями были по большей части случайные пришельцы, временно сидевшие в Пскове, вследствие утраты своего удела. Вече постановляло новые законы и ведало даже частично церковными делами. В Пскове не было той сильной церковной власти, которая в лице новгородского архиепископа влияла на все стороны жизни Новгорода. Но в отсутствие новгородского владыки (периодические приезды которого в Псков тяжело ложились на псковскую казну), псковские попы принимали деятельное участие в административно-хозяйственной жизни города, объединяясь в соборы, число которых с течением времени росло. В этом своеобразии псковского поповства, которое, как это видно и по стилю летописи, было гораздо более светским, чем церковным, по своим интересам.

Социальные противоречия были в Пскове те же, что и в Новгороде, но в XIII—XIV вв. острота классовой борьбы сдерживалась постоянной военной опасностью, которая заставляла все группы населения объединяться для обороны независимости своей земли.

С XIII в. ливонские рыцари, замирившись с полоцкими князьями, повели наступление на новгородские и псковские земли. Борьба с немцами, владевшими превосходной техникой, была трудна. Летопись рассказывает, что при осадах и нападениях немцы употребляли стенобитные орудия, самострелы, пищали, пушки, каменные ядра, висячие лестницы, подвижные городки и другие «замышления». Псковичам больше приходилось рассчитывать на прочность крепостных стен и на свою храбрость. Но успеху их борьбы способствовало ясное сознание цели войны: русское войско защищало свою независимость, тогда как в войске Ливонского ордена было много насильственно привлеченных местных племенных дружин, неохотно воевавших на стороне своих поработителей.

Отражая натиск немцев, псковичи нередко бывали вынуждены воевать и с Литвой, с которой хотя и не было постоянной войны, но не было и прочного мира. Впрочем, временами псковичи действовали против немцев в союзе с Литвой (в 1262 г. в союзе с Миндовгом, в 1331 г. — с Гедимином, в 1342 г. — с Ольгердом), а один из литовских князей — Довмонт, в последней четверти XIII в., защищал Псков и от немцев и от литовцев. Время княжения Довмонта (1265—1299) — героический период псковской истории, ознаменовавшийся блестящими победами псковичей. Недаром меч Довмонта, по преданию надетый на него игуменом перед битвой с немцами, сохранялся в виде реликвии на гробнице князя и изображался позже на знамени Пскова, а сам князь считался местно почитаемым святым, покровителем Пскова.

Борьба с немцами осложнялась, с одной стороны, постоянной рознью с новгородцами, которые часто отказывали в помощи псковичам, с другой — тем, что некоторые псковские князья и бояре не раз заключали предательские соглашения с немцами. Но уже в XIII в. среднерусские княжества, хотя и разоренные татарами и не имевшие еще сил для объединенного удара, в критические моменты помогали и Новгороду и Пскову: в войсках суздальского князя Александра Невского, в 1240 г. освободившего сначала Копорье, а затем и Псков от немцев, вместе с псковичами — дружинниками, ремесленниками и «сельскими людьми», би-

лись за независимость своей родины и суздальцы. Владимирские великие князья с этого времени взяли на себя боевое руководство псковичами, и Псков в военном отношении стал в зависимость от Владимиро-Суздальского княжества, хотя временами, защищая свою политическую самостоятельность, Псков выступал против владимирского князя, заключая союз с литовскими князьями. В XIV в. крепнувшее Московское княжество все теснее связывается со Псковом: в конце XIV в. псковичи просят себе князя «из руки» великого князя, который выступает посредником в переговорах псковичей с западными соседями. Так подготовлялось не только фактическое, но и юридическое присоединение Пскова к Московскому великому княжеству.

Развитие книжности в Пскове происходило под несомненным воздействием Новгорода, с одной стороны, и южных и юго-западных русских княжеств — с другой. Нифонт, архиепископ новгородский (1130—1156), положил начало монастырскому строительству в Пскове, основав Спасо-Мирожский монастырь, где останавливались впоследствии новгородские владыки при посещениях Пскова. Этот монастырь, находившийся под особым покровительством Нифонта, несомненно, и книгами на первых порах снабжался из Новгорода. Церковное строительство, развернувшееся в Пскове особенно в XIV в., потребовало большого числа рукописей культового содержания. О богатстве этого вида книжности в Пскове в XIII—XIV вв. свидетельствует значительное количество пергаменных культовых книг, вывезенных отсюда в 1679 г. в Москву для «переводу» справщикам Печатного Двора, когда при печатании богослужебных книг их текст выверялся по «харатейным старобытным книгам». Уступая по качеству новгородским рукописям, псковские культовые книги XIII—XIV вв. все же представляют интересный материал как для истории псковской книжности, так и для истории языка.

Однако культовыми книгами письменность Пскова в XIII—XIV вв. не ограничивалась. Соседство с Литовско-Русским государством способствовало переходу в Псков памятников Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества. Так, Псков знал Слово о полку Игореве (проецированное на Апостоле 1307 г. в связи с междоусобиями тверского и московского князей), Слово о законе и благодати митрополита Илариона (молитва которого цитируется на Псалтыри середины XIV в., вероятно по поводу очередной войны с западными соседями: «не дажь достояния своего в поношение обладати иноплемьньником, да не рекуть, где есть бог их»), Повесть временных лет (использованную в псковских летописных сводах), Галицко-Волынскую летопись (Ипатьевский список которой сделан в Пскове), Толковую Палею с повестью о Соломоне и Китоврасе (лучший список ее XV в. — псковский), Хронограф (летописец патриарха Никифора вошел из него в Псковскую первую летопись). Общение с Новгородом ввело в оборот новгородские летописи; владими́ро-суздальская повесть «о мужестве» Александра Невского в XIV в. послужила образцом литературного изложения автору сказания о Довмонте.

В псковских рукописных книгах нередко наблюдается одна любопытная особенность, которая делает их интересными для литературоведения, независимо от их содержания: они имеют на полях многочисленные приписки, в которых сказались характерные черты стиля псковской литературы XIII—XIV вв. Даже писцы культовых книг простодушно отме-

чаши на их страницах повседневные заботы, выражали свои настроения, вставляли попутно меткие фольклорные пословицы и поговорки, записывали известия о небесных явлениях, войнах. Все эти заметки, выраженные не книжным, а просторечным языком, с сохранением иногда даже местных диалектизмов, чрезвычайно близки к литературной манере псковской летописи XIII—XIV вв., склонной к бытовой речи. Характерны,

например, приписки сделанные «Козмой дьяком Поповицем» на Паримийнике и Прологе XIV в. Этот светский дьяк, любитель острого словца, пословиц и поговорок, в заключительной записи вспомнил былинную характеристику Алеши Поповича и расписался так: «А псал Козма дьяк Поповиць грабящима рукама, клеветливым языком, обидливыма счима». Пословичной речью звучат его приписки на полях: «Бог дай съдоровие к сему богатю, что кун, то все в калите, что порт, то все на себе, удавися, убожие, смотря на мене», «подобает чернью продаше монатью купити са...» (эта неоконченная поговорка напоминает структурой пословицу, записанную в XVII в.: «поп пьяной книги продал, да карты купил»). На Шестодневе XIV в. читается поговорка: «через тын пьют, а нас не зовут». И Козма Попович и другие псковские писцы бытовым языком рассказывают на полях книг о своих повседневных заботах: «ох мне лихого сего попирчя, голова мя болит и рука ся тепеть», «полести мытсья, о святыи Никола, пожалуй избави корысты сея», «шести ужинат», «пойти... к страдником» и т. п. Нередки в рукописях записи, напоминающие краткие летописные известия: «в лето 6920 месяца июля в 5 бысть знамение на небе в солнце, третья часть погыбе солнца яко то обедню отпети», «того же лета взяша тотари Маскву город на Руси. Аминь.» Летописным стилем начинается и запись на Апостоле 1307 г., продолжающаяся затем перифразой из Слова о полку Игореве: «сего же лета бысть бой на русской земли...» Манера делать на рукописях заметки летописного характера сохраняется и в XV в.

Стригольников бросают с моста в Новгороде. Лицевой летописный свод. Остермановский том I, л. 692 об.

Указанием на ранние связи севернорусских областей с славянским Югом может служить сохранившаяся с псковскими добавлениями XIV в. Саввина книга евангельских чтений. Западное влияние сказывалось преж-

де всего в обрядности официальной псковской церкви, которая вообще отличалась большой пестротой благодаря тому, что в Пскове было много пришлых попов из соседних областей; они шли не только из Новгорода и Пскова, но и из Литвы, откуда проникали через них католические церковные обряды (крещение обливанием, латинское миро). Воздействие Запада на псковскую книжность XIV в. сказалось в переходе некоторых легенд и духовных стихов секты «крестовых братьев» или гейслеров. Апокрифический «сон богородицы», по мнению акад. А. Н. Веселовского, своей тематикой напоминает популярные у гейслеров стихи, в которых богородица выступает заступницей и спасительницей человеческого рода, а «епистолия о неделе» — широко распространенный и у гейслеров апокриф.

Была попытка связать с Западом, в частности, с сектой «крестовых братьев», возникшее в Пскове в конце XIV в. церковное течение, получившее имя ереси стригольников. Никакой книжности, отражавшей воззрения этой ереси, не сохранилось (попытка Н. П. Попова рассматривать Измарагд и Златую Цепь как памятники этой книжности неубедительна. — Историч. Записки, 1940, № 7); известно лишь, что стригольники резко отрицательно относились к духовенству — епископам и попам, поставленным «на мзде», т. е. за деньги. Стригольники полагали, что каждый может учить в церкви, что миряне могут судить попов, крестить, что молиться за умерших не следует; они отрицали церковную исповедь у поставленных «на мзде» и звали каяться земле. Не вдаваясь в вопрос о том, могли ли оказать на псковских стригольников воздействие западные гейслеры или богомилы, мы можем, однако, сопоставлять их с западными «бюргерскими ересями». Очевидно, во Пскове, как и на Западе, «ересь городов... была направлена главным образом против попов, на богатство и политическое положение которых она и нападала»¹. «Бюргерская оппозиция очень серьезно боролась против попов, ленивая и легкая жизнь и развращенные нравы которых вызывали в ней величайшее негодование»². Ересь стригольников была одним из проявлений оппозиции против феодализма: «всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси»³.

Разнообразие культурных связей Пскова XIII—XIV вв. должно было оставить следы на его книжности. Состав ее, конечно, не исчерпывался сохранившимися рукописными книгами. На XIII—XIV вв. падает особенно большое количество войн Пскова с западными соседями; пожары уничтожали церкви и монастыри — главные хранилища церковной книжности, а в посадах горели рукописные памятники светского содержания — летописи, грамоты, отчеты посольств, донесения о мирных и торговых переговорах и т. д. Летопись не раз, отмечая пожары, указывает, что из церквей выносили иконы и книги, но лишь в редких случаях из быстро горевших деревянных построек удавалось спасти имущество. Гибельны были для книг и частые наводнения.

В начале своего архитектурного развития Псков, повидимому, не избежал общего для всей древней Руси XII в. могучего воздействия киевской художественной культуры. Летопись упоминает, что первая в Пскове камен-

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, М. — Л., 1931, стр. 129.

² Там же, стр. 123.

³ Там же, стр. 128.

ная церковь Св. Димитрия, построенная в 1144 г., была сложена из камня и кирпича, т. е. видимо в характерной для зодчества Киева технике. Возможно, что эту киевскую традицию Псков получил уже через Новгород, где с 1130 г. был владыкой Нифонт, убежденный грекофил и любитель архитектуры. В Пскове он построил собор Мирожского монастыря (1156 г.) чрезвычайно своеобразной архитектуры: боковые апсиды и угловые западные деления храма были понижены, выявив особенно ярко архитектурный крест, составляющий основу крестово-купольного храма. Появление этого типа храма, известного в архитектуре византийских провинций, было, видимо, связано с личными политическими и художественными симпатиями Нифонта.

Во второй половине XII в. в Пскове, повидимому, появляются местные зодчие. Их выдающимся произведением был большой городской собор Троицы, построенный в начале 90-х годов. В нем псковичи с большой самостоятельностью развили передовые идеи русского зодчества XII в., направленные на переработку крестово-купольной системы храма. Высокая центральная часть собора поднималась над пониженными нартексом и боковыми притворами, глава храма была вынесена над сводами на высоком постаменте с трехлопастными арками по сторонам. Здание теряло кубическую замкнутость и неподвижность, уподобляясь широкой и сложной по форме башне.

В первой половине XIII в. в Пскове строится трехглавый собор Иоанновского монастыря, несколько напоминающий монастырские храмы Новгорода начала XII в., а в 1310 г. в монастыре на Снятной горе под Псковом сооружается собор, почти точно копирующий Мирожский храм. Это как раз то время, когда творческая мысль зодчих была отвлечена нуждами оборонного строительства Псковской земли, когда закладываются первоначальные части каменной крепости Пскова, а затем новый пояс стен 1309 г. и строятся в 1330 г. каменные твердыни Изборска на Жеравьей горе.

В 1348 г. Псков становится самостоятельным. Вскоре в 1362 г. обрушивается верх старого Троицкого собора, ставшего усыпальницей героев псковской военной истории, князей Всеволода-Гавриила и Довмонта-Тимофея, и перед Псковом встает задача его восстановления. Новый храм (1365—1367) наследует многие черты старого, он ставится на основе его древних стен; но зодчие (вероятно мастер Кирилл) значительно углубляют начатую в XII в. ревизию крестово-купольного храма. Фасады центральной возвышенной части храма приобретают выступающую среднюю часть, разрывающую спокойную линию перекрытия; вместо квадратного постамента под главой появляется сложная композиция верха, переводящая в камень прием деревянной архитектуры — восьмерка на четверике. Храм в целом с его угловыми приделами, главками над нартексом и высоко поднятым небольшим куполом далеко уходит от спокойной неподвижности древней крестово-купольной системы; он беспокойно стремится ввысь, органически нарастая от широкого низа к мельчайшим и все более легким формам верха. Несомненное воздействие деревянного зодчества на архитектурный образ Троицкого собора с исключительной яркостью свидетельствует о свободе и смелости критической мысли зодчих, как бы перекликающейся с рождающимися в атмосфере «псковской свободы» рационалистическими ересями.

Повидимому, в это же время появляются характерные псковские звонницы в виде стенки с пролетами наверху для звона, также вероятно восходящие к формам деревянных звонниц. Псковские летописи сохранили

сведения о ряде построек второй половины XIV в., свидетельствующие об интенсивной творческой работе местных зодчих.

Монументальная живопись Пскова известна еще с XII в., когда был расписан Преображенский собор Мирожского монастыря. К 1313 г. (насколько об этом можно судить по записи в псковском Паримийнике) относятся сохранившиеся фрагменты росписей Снетогорского монастыря. Росписи эти — первые свидетели знакомства русских мастеров с византийским Возрождением. Композиция фресок еще попрежнему лаконична и обобщена, но отдельные фигуры двигаются в общем ритме и по своей трактовке приближаются к новгородским фрескам второй половины XIV в. К сожалению, фрески Снетогорского монастыря, отражающие целый этап в развитии русской живописи (переходный от традиций великого искусства Киевского периода к искусству XIV—XV вв.) и соединяющие в себе архаичность некоторых приемов с принципами новой живописи, еще очень мало изучены. Между тем фрески Снетогорского монастыря представляют огромный интерес и в отношении своей тематики (отдельные эсхатологические мотивы и др.).

Еще больший интерес представляет почти совсем не изученная псковская иконопись XIII—XIV вв. Только после Октябрьской революции расчищено несколько псковских икон. Эти иконы объединены общей манерой и оригинальной трактовкой сюжетов. Псковская икона XIV в. «Собор богоматери» — одна из первых икон со сложным аллегорическим сюжетом, обычным затем в московской живописи XVI в. Исключительный интерес имеют в ней ангелы, лишенные крыльев. Псковское письмо XIV в. отличают тот же монументализм, который характерен и для фресок Снетогорского монастыря, резко подчеркнутая симметрия, некоторая «архитектурность» всей композиции, резкость и чистота красок. Раскрытая и расчищенная живопись Пскова может со временем оказаться ключом к многим проблемам в развитии русской живописи (в особенности Москвы).

Псковские рукописи XIV в. также мало изучены. Гератологический («чудовищный») орнамент имел здесь меньшее распространение, чем в Новгороде и Смоленске. Орнамент псковских рукописей тяжеловат и резок; особенно часто он передает архитектурные мотивы (характерен в этом отношении фронтиспис в виде силуэта храма Коневской псалтири XV в.). Архитектура, несомненно, была ведущим искусством Пскова. Ее принципы сказываются и в монументальности фресок, и в особой «весомости» и архитектурной симметрии построения живописных композиций, и в архитектурных мотивах орнамента и т. д. Намечая глубоко прогрессивные пути в зодчестве, искусство Пскова XIII—XIV вв. первым откликается и на животворящие веяния византийского искусства Палеологов.